

ДОМ В РАССКАЗЕ Б.П. ЕКИМОВА «ПОСЛЕДНЯЯ ХАТА»

Ланская О.В.

Слово *дом* является одним из ключевых в русском языке. Данная лексическая единица восходит к многочисленным смыслам, определяющим жизнь человека, его представление о мире.

По И.И. Срезневскому, *домъ* (с XI века) – это «жилище», «хозяйство», «семья», «род», «храм» [4, т. I, стб. 699 – 702].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» значение слова *дом* объясняется так: «строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством. Крестьянский дом – *изба*; юж. *хата*; княжеский и вообще большой, вельможеский – *палаты*, *дворец*; помещичий, в деревне – *усадьба*; маленький и плохонький – *хижина*, *лачуга*; врытый в землю – *землянка* <...> *Держать дом*, *вести дом* – хозяйство, распорядок. *Открытый дом* – хлебосольный [1, т. I, с. 465]. Дом также обозначает семейство, семью, хозяев с домочадцами; род, поколенья, говоря о владетельных или высоких особах [1, т. I, с. 465].

В рассказе Б.П. Екимова «Последняя хата» образ дома является главным. Имя его вынесено в название. В связи с этим слово *хата* (в значении «изба, домишко, халупа» [1, т. IV, с. 543] воспринимается как ключевое. В МАС данная лексическая единица обозначает не только жилище, но и указывает на его местоположение, принадлежность определенной социальной группе: «Крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне» [3, т. IV, с. 593].

Словосочетание *последняя хата* приобретает через определение *последний* разные смыслы и звучит трагично. С одной стороны, *последний* – это «такой, за которым не следуют другие, находящийся в самом конце ряда каких-либо предметов» [3, т. IV, с. 316]; с другой – «единственный оставшийся» [3, т. IV, с. 316]: «После войны-то она (хата. – О.Л.) с другими в ряд стояла, а теперь, конечно, была за редкость» [2, с. 361].

Связано слово *последний* и с понятиями «смерть», «прощание»,

«прошлое». Словосочетание *последняя хата* восходит также к понятиям «определенный уклад жизни», «судьба человека», «отношение детей к родителям». Приобретает данная лексическая единица и значение «последний дом в земной жизни человека».

Начинается повествование с предложения «Баба Поля спала хорошо и проснулась здоровой» [с. 354], то есть речь в данной синтаксической единице идет о пробуждении человека, возвращении его после болезни к жизни. Отсюда словосочетание *проснулась здоровой*. Факт пробуждения героя, который воспринимается в тексте как элемент композиции – завязка, напоминает о повести Л.Н. Толстого «Детство», которая начинается с описания пробуждения ребенка – Николеньки Иртеньева. В рассказе Екимова говорится о том, что просыпается старая больная женщина, которая тоже по-особому смотрит на окружающий ее мир, потому что готовится уже к смерти. Заканчивается произведение описанием сна героини, в котором повествуется о том, как она встретила с умершей матерью, и эта встреча стала для нее знаковой: человек вернулся к своим истокам.

Важно отметить, что автор фиксирует время действия – начало весны, пробуждение природы, что указывает на то, что природа вечно просыпается и умирает, затем снова возрождается к жизни.

Крестьянский дом воспринимается в этом пространстве как часть живого, удивительно прекрасного мира. Отсюда такое пристальное внимание к каждой детали. Взгляд этот отражает точку зрения на окружающее и автора, и героини, человека, всю жизнь проработавшего на земле. И человеку этому все дорого и все близко: «Смородина, что топырилась вдоль ограды, развернула мелкий копеечный резной листочек; а куст возле калитки уже в пяточок их вывернул, в ребячью ладошку» [с. 355].

В тексте ключевое слово *дом* имеет ряд синонимов. Это *домик*, *дома* (в *домах*), *домок*, *мазанка* (в значении «изба, хата изъ мелкаго леса или

камыша, съ обмазкою глиной, иногда съ навозомъ и сечкой» [1, т. II, с. 289]), *хатка*, *хата*, *хатенка*, *флигель* (в значении «строенье сбоку главного дома, въ одной связи, или отдельное» [1, т. IV, с. 536]), *флигелек*, *флигелечки*, *мазануха*, *жилье*, *строенье*, *квартира*: «В хате было тепло» [с. 354]; «Только ее *хатка* с места не двигалась» [с. 361]; «Слева, вдоль поместья шумливой Грипы, кишкой протянулось бабы Полино *жилье* – *мазанка*» [с. 355]; «Причудливое это, по нынешним временам, *строение* занимало лишь узкую полоску земли»; «Тебе мой *флигелек*, вот после этой, – качнул он головой в сторону *мазанки*, – как дворец» [с. 359]; «Може, у него *во флигеле* шашел завелся»; «<...> старость пришла, и, конечно, лучше бы дожить ее не в этой *мазанке*, а в добром теплом *домке*» [с. 360]; «А твоя *мазануха* не на век» [с. 361]; «Виктору с Анной *квартиру* оставили» [с. 372]; «А по весне начали ладить новое *жилье*» [с. 364]; «Пошла в свою пустую уже *хатенку*» [с. 382].

Дом в тексте называют и кротовиной, что свидетельствует о том, что жилище героини – часть природы и его существование соотносится с могучим деревом – тополем-раиной, выросшим на могиле сына Вани: «Он (тополь-раина – *О.Л.*) был так могуч и высок, что издали бабы Полино *жилье* у его подножия казалось *кротовиной*» [с. 359]. И век у дерева и хаты будет один: начнут строить новый дом, срубят тополь, погубят *мазанку*.

В конце рассказа говорится о том, что героиня увидит во сне не только мамочкин домик, о котором она мечтала всю жизнь, но и ручонки своего сына, тополиные веточки: «А рядом, возле хатки, возле крылечка, кто там плещет ручонками ли, тонкими ли ветвями...» [с. 384].

Называет автор дом и гнездом. Так, когда во время войны героине пришлось жить у родственников мужа, она после всего пережитого начинает думать о том, что надо строить свой дом, иначе «можно и весну, и лето у *чужого гнезда* прокуковать» [с. 364].

При обозначении дома автор использует словосочетания *свой угол*,

добрый угол в значении «жилище, пристанище» [3, т. IV, с. 459]: «Привыкла к своему углу, к соседям» [с. 378]; «<...> с рождения положил ей Бог не иметь *доброго угла*» [с. 383]. При этом словосочетание *добрый угол* в значении «хороший дом» в МАС не зафиксировано.

Смыслы, связанные с представлением о доме, раскрываются через определения. Исследуемая лексическая единица приобретает семы 'отношение к дому', 'дом во времени', 'принадлежность дома', 'материал, из которого построен дом', 'размер' и другие: «<...> жалела о том, что не похоронят ее вот здесь, подле этого тополя, подле сына и *родного* дома» [с. 370]; «Построим *большой* дом» [с. 373]; «Он (зять Федор. – О.Л.) ей (Грипе. – О.Л.) свое втолковывал про новую жизнь, которая теперь пойдет, про *новый* дом» [с. 374]; «<...> военные умелые люди по бревнышку раскатали *Полинин* дом»; «*Первый, мамочкин* (дом. – О.Л.) забрал до срока, даже не показав. Не дал и *на второй* порадоваться» [с. 383]; «<...> Рядом, на улице, нетронуто стояли другие дома: *мазанные, лепленые* [с. 364].

Дом для бабы Поли – это место, с которым связана вся ее жизнь, воспоминания о самых близких людях: матери, муже, сыне, о том, что пришлось пережить ей самой. Для зятя Федора дом – это четыре стены. О другом жилище он не говорит: «– Ну чего мы на этом севере видели? *Четыре стены?* Да работа» [с. 372]. Словосочетание *четыре стены* вступает в антонимические отношения со словосочетаниями *хороший дом, современный такой дом*. В то же время данные словосочетания восходят к противопоставлению «хата бабы Поли –новый дом зятя Федора»: «– Построиться здесь, – развел он руками, оглядывая просторный двор.– *Хороший дом* поставить, *современный такой*. С отоплением, ванной» [с. 372]. Для него дом – это, в первую очередь, бытовые условия. Отсюда использование в тексте предложения «С отоплением, ванной», раскрывающего значение определений *хороший* и *современный*.

О новом доме представление складывается на основе плана, который

начертили зять бабы Поли и ее внук Олег. Этот дом пока виртуальный. О его проекте рассказывает Олег, выделяя самое главное: «— Дом будет двухэтажный. Наверху будет две комнаты: моя и для гостей» [с. 375]. Местоимение *моя* (комната) приобретает семы 'эгоизм', 'все только для себя'. Слово *для гостей* восходит к понятию «чужое пространство». На втором месте у внука пространство под домом. В лексико-тематическую группу «дом» в связи с этим входят номинации *гараж, мастерская, погреб*. Затем Олег перечисляет другие составляющие дома. Это *веранда, коридор, прихожая, зал, кухня, кладовка, туалет, ванная*. Дом в его представлении выстраивается в соответствии с перечисленными номинации, что очень важно: «— В самом низу под домом будет *гараж, мастерская, погреб*, — объяснял Олег. — На первом этаже вот *веранда*, видите ... Потом *коридор, прихожая*, направо в *зал* входим, налево *кухня с кладовкой*, там дальше *туалет, ванная*» [с. 376 – 377]. Только потом он говорит о комнате бабушки: «А прямо по коридору *бабушкина комната*» [с. 376]. В лексико-тематическую группу «дом» входит также слово *спальня*: «После зала там *спальня*, и все» [с. 376].

Такое описание свидетельствует о том, что дети совсем не думают о чувствах матери. Старая женщина, понимая, что полностью изменится ее жизнь, что лишится она дома, думает: «Она свое в домах отжила. Ей к иному пора готовиться» [с. 376]. Героиня не спорит, не ссорится с родственниками, просто не может понять, почему с ней не посоветовались и о строительстве сказали в последний момент, сообщили тогда, когда она, старая, больная женщина, уже посадила в огороде картофель, привела в порядок весь свой участок.

В течение жизни у бабы Поли были разные дома. Вначале героиня вместе с матерью мечтала о домике, который был смыслом всей их жизни. С ним в представлении матери и дочери было связано представление о счастье: «Ее мамочка в кухарках служила. Жили они при кухне. А мамочка не хотела на людях жить и мечтала о *домике*. Она часто Полюшке о том

домике рассказывала» [с. 362]. Женщина описывала дом очень подробно, с любовью. Отсюда использование в тексте слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «<...> *домик* небольшой они купят, но настоящий, мазанка не нужна, пусть совсем маленький – большой не нужен, – лишь бы две *кроватьки* поместились и *столик*: и *кухонька* будет маленькая, но тоже со *столиком*, и *шкафчик* с посудой там же» [с. 362]. Рассказывая о домике, героиня употребляет определения *красивый*, *хорошенький*, *теплый*, *спокойный*, *настоящий*, *маленький*, *небольшой* с семами 'мечта', 'счастье', 'любовь', 'семья', 'радость'.

Мечта о домике была для матери и дочери утешением. Они говорили о нем, когда что-нибудь не ладилось: «Не плачь, Поленька, вот скоро будет у нас домик, будешь во дворике играть, цветочки с тобой посадим» [с. 362]; «Не горюй, мамочка, вот скоро будет у нас домик. Красивый такой, хорошенький...» [с. 362]. Но мечта о домике так и осталась мечтой, так как произошла революция, потом началась война.

Увидела домик из своей мечты героиня только через много-много лет, когда ей предложил поменяться участками сосед: «И вот теперь, когда увидела баба Поля тот флигелек, что предлагали ей для обмена, она сразу узнала его. Это был их с мамочкой *желанный домик*. Но как опоздал он! На целый век!» [с. 363].

Потом баба Поля вспомнила довоенный дом. Описывая его, автор использует определения *крепкий*, *вековой*, *золотой*: «...дом был *крепкий*, *вековой*. <...> *Золотой* дом, что ни говори. Уж тот был из домов дом» [с. 363]. В этом доме семья была счастлива, родился долгожданный сын, но опять началась война.

Любовь к дому определяет в жизни старой крестьянки все, и он воспринимается ею как живое существо. Так, во время войны, «уходя в отступ ...она уже точно знала, сердцем чуяла, то с домом ей больше не встретиться» [с. 363]. Так это и произошло. Пришлось весной строить уже мазанку.

Необходимо отметить, что по-особому баба Поля относится не только к своему дому, но и к чужому. В каждом из них она видит живую душу. Отсюда у дома глаза-окна, веселый взгляд, на что указывают словосочетания *четыре глазастых окна* и *весело глядел*: «Мало-помалу кирпичные дома в ход пошли, сначала невеликие, а теперь в три, *четыре глазастых окна* лупились на улицу, да и во двор не меньше»; «Шелеванный, крашенный зеленой краской, он *весело глядел* на мир светлыми окошками в голубых ставенках» [с. 361].

Совсем другое отношение к дому у дочери бабы Поли – Марии. Оно менялось с течением времени. Дочь забыла, как радовалась в детстве мазанке: «– А как вошли мы сюда, – вспомнила мать, – ты уж забыла? Как кинулась мне на шею, говоришь: лучше нашего домика на свете нету, мамочка. Не помнишь?» [с. 377]. Женщина забыла все. Теперь ее поразили низкие потолки, темные стены: «Она глядела вокруг и поверить не могла, что в этих тесных и низких земляных стенах, под этим жалким кровом когда-то жила она и росла» [с. 377].

Баба Поля по-другому воспринимает дом. Так, во время прощания героиня увидела, какой он хороший. Дом порастил хозяйку. Он словно помолодел: «Большой и просторной показалась ей пустая хата. Просторной, светлой и такой доброй для житья, что чуть было не кинулась баба Поля дочку звать и Федора» [с. 382]. Отсюда использование в тексте слов, словосочетаний, вступающих в антонимические отношения. На основе разного восприятия героями дома выстраивается противопоставление *родной дом, хата, мазанка – материнское жилье, жалкий кров*. Такое восприятие родного дома свидетельствует о разрыве духовных связей между близкими людьми – матерью и дочерью, полном непонимании, возникшем между ними. Свидетельствует это и об одиночестве матери, для которой расставание с домом подобно расставанию с ребенком. Недаром видит она сон, в котором умерший Ванечка-сын, похороненный рядом с домом, просит не отдавать его

чужим людям. Самое страшное, что не с кем старой матери разделить свое горе. В последний день, закрывшись в доме на ключ, чтобы никто не потревожил, она простилась с хатой, помолилась, сняла икону, которая уже никому не была нужна.

Итак, ключевое слово *дом*, восходящее к противопоставлению «новый, современный дом зятя Федора (пространство виртуальное) – хата бабы Поли (пространство реальное), мамочкин дом (пространство мечты)», в тексте Екимова связано со смыслами «семья», «мечта», «судьба человека», «добро», «счастье» и другими, раскрывающими особенности национального характера человека, его нравственные идеалы.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т., 2006. (Сл. Д.).
2. Екимов Б.П. На хуторе: Повествование в рассказах. – М.: Время, 2010. – 464 с. Далее в скобках указаны страницы.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985 – 1988.
4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 4 т. – М., 1958.

